

Косич Мария Николаевна

**Литвины-белорусы Черниговской губернии,
их быт и песни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Николаевна К.**
Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни / Косич Мария Николаевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 151 с.

ISBN 978-5-519-90556-5

ISBN 978-5-519-90556-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рѣчка Росуха протекает луговой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся горы или шипы, покрытые листовымъ лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ.

Во время весеннего таяния снеговъ потоки воды, стремящіяся съ хребтовъ къ рѣчкѣ, промыли съ годами около 7—8 непроходимыхъ овраговъ, поросшихъ нынѣ лѣсомъ.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени появляются новые овраги вслѣдствіе неосторожнаго истребленія лѣсовъ, за что иногда сами потребители—владѣльцы терпятъ наказаніе въ видѣ образующагося у самыхъ воротъ усадьбы рва, грозящаго сдѣлать ее неприступною ¹⁾.

На дне овраговъ и въ лѣтніе мѣсяцы пробирается постоянно вода едва замѣтными струйками.

Эти ручейки, родники и кринички, просачивающиеся въ низкихъ луговыхъ долинахъ, снабжаютъ мѣстность довольно обильнымъ орошеніемъ и представляютъ изъ себя резервуаръ, наполняющій рѣчку Росуху ключевой водою.

Какъ лёсъ, такъ и глинистая подпочва, задерживая влагу, обуславливаютъ сырость воздуха и частые туманы, а весенніе утренники нерѣдко истребляютъ цвѣтъ яблонь и всходы овощей даже въ среднихъ числахъ Мая.

Снѣгъ таетъ здѣсь вѣскольکو поздиѣе, замерзшая земля нагрѣвается медленнѣе и ставитъ земледѣльца въ необходимость производить всѣ посѣвы недѣли на двѣ, на три поздиѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Все это вытѣсть взлтое и есть одна изъ причинъ недородовъ и неурожаевъ мѣстности. Но не смотря на скудость сѣросуглинистой почвы,—здѣсь ютятся посѣлки за посѣлками. Напр. на протяженіи 6-ти верстъ, по берегу Росухи и ея маленькихъ притоковъ, расположено 6-тъ водяныхъ мельницъ и до 10-ти сель: Водвинка, Росуха, Амелыинъ Хуторъ, Лупеки, Трухавово, Бородинка, Вороздинно, Гарцевъ, Колодезки и др. Шестъ мельницъ или прудовъ, устроенныхъ самымъ примитивнымъ способомъ, перемалываютъ только скудный мѣстный урожай и никакого торговаго значенія не имѣютъ, такъ какъ удаленность отъ городовъ (30—35 в.) и первобытные пути сообщенія далеко не способствуютъ, а скорѣе задерживаютъ духъ предпримчивости этого непочатаго угла.

Впрочемъ, и съ открытiемъ желѣзной дороги край не обогатился; народъ прiобрѣлъ лишь возможность заработка на поденной работѣ. За то еврей лѣсопромышленники сумѣли увеличить свои капиталы скупомъ лѣса на срубъ у крестьянъ и крупныхъ владѣльцевъ по дешевымъ цѣнамъ.

Въ общемъ здѣсь природа скупа на матеріальное продовольствіе, даже рыбы въ рѣкѣ мало: слишкомъ холодна и быстра для нея ключевая вода. Въ озерахъ при мельницахъ она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напоръ воды весной почти ежедневно размываетъ плотины и уноситъ теченіемъ внизъ не только рыбу, но и мосты съ мельницами.

Обыватели къ этому привыкли и через мѣсяцъ, другой устраиваютъ новые пруды, благо лѣсъ на корнѣ, а топоръ и заступъ въ рукахъ.

Чѣмъ же снабжалъ ихъ лѣсъ, кромѣ лыкъ для лаптей и дровъ?

Правду сказать, въ немъ было больше волковъ, чѣмъ дичи, которую, впрочемъ, никто не стрѣлялъ по той причинѣ, что «пороху нема» ^{Солд.} «пороху нема, да и некали», говорить полѣскокъ, «поидишь за дичьчу балаваца, бѣжъ хлѣба будаць зимаваць, а дичьчу ни ^{Кем.} нажене», да къ тому же «сласная гѣба—двару пагѣба», а стрѣлять для продажи—некому сбывать.

Однѣ бабы блуждаютъ по лѣсу съ лукошками на плечахъ, да и тутъ невелика пожива: бѣлый грибъ—боровикъ, который одинъ идетъ въ продажу, попадается рѣдко; только орѣховъ да жолудей вволю.

¹⁾ Примѣчаніе. Въ селѣ Трухановѣ цѣлый лугъ превратился въ глубокій ровъ, гдѣ въ 70-хъ годахъ изъ-подъ пласта земли было вымыто водою часть бивня и зуба какого-то громаднаго животнаго. Бивень былъ подаренъ мѣстному земскому врачу Обозненко, а зубъ сохраняется и понынѣ у землевладѣльцы с. Росухи.

Что же привлекло и прикрепило убогий людъ къ сѣренькой землицѣ, питающей его впроголодь?

Просто по нраву приплась ему лѣсная глушь; въ ней онъ видитъ приволье и любитъ свое полѣсье, какъ всякая божья тварь—свою стихію, какъ кошка свой лотокъ, свою вѣтку.

Народное преданіе въ с. Росухѣ.

Въ южной сторонѣ села Росухи, на правомъ берегу рѣчки, существуетъ искусственный окопъ, извѣстный подъ названіемъ «городокъ».

На вопросъ о его происхожденіи, каждый крестьянинъ отвѣтитъ вамъ: «Иста шведъ ийшау, тутъ ваявали».

Городокъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ имѣетъ кругомъ природное укрѣпленіе въ видѣ отвѣснаго обрыва надъ рѣчкой, а съ южной стороны устроена искусственная круглая насыпь. Все это было покрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, но, къ сожалѣнію, недавно, уже въ 80-хъ годахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ помѣщика Силевича продалъ это мѣсто крестьянамъ на срубъ.

По мѣстному преданію, сохранившемуся и по сей день, въ этой мѣстности зарыто «прѣпасть» кладовъ, такъ что однажды, говорятъ, изъ обрыва городка выкатилась бочка золота прямо въ воду.

Подобное преданіе не могло не создать желающихъ разбогатѣть кладомъ, а потому нѣкоторые изъ мужичковъ перѣдко имѣли стальные остроконечныя палки — «шпы», какъ они называются и время отъ времени отправлялись, по святымъ днямъ въ гулящее время», зондировать почву съ надеждой на обогащеніе. Покойный владѣлецъ «городка» помѣщикъ Герасимъ Матвѣевичъ Силевичъ не препятствовалъ этой, по его мнѣнію, бесполезной забавѣ, и, занятый больше хозяйствомъ, никогда ничего не предпринималъ по части раскопки, не смотря на то, что самъ рассказывалъ о фактѣ, случившемся на его глазахъ въ началѣ XIX столѣтія: бѣднѣйшій псаломщикъ, котораго постоянно встрѣчали на городкѣ съ шпыю въ рукахъ, однажды въ попыхахъ прибѣжалъ въ рабочую пору на поле къ пахарямъ, держа въ рукахъ старинную золотую монету и спрашивалъ приказчика, что это за грѣши и примутъ ли ихъ гдѣ нибудь. По рассказамъ приказчика, это были «грѣши ни насыкія, а чужеземныя». И затѣмъ названнаго псаломщика ужъ больше никто не видалъ; онъ со всей своей семьей выѣхалъ куда то безвозвратно,—какъ въ воду канулъ.

Въ Росухѣ также есть преданіе, что кладъ не всякому дается, что онъ кладется непременно на чью нибудь голову и что избраннику прежде всего долженъ присниться сонъ, указывающій мѣсто зарытаго сокровища. Если же кладъ выроетъ тотъ, кому онъ не предназначенъ, то на его голову обрушатся всѣ несчастія въ жизни. Народъ глубоко вѣритъ этому, и вотъ, на основаніи того, что по вѣрѣ вашей дается вамъ, у насъ въ Росухѣ въ 50-хъ годахъ произошелъ такой случай:

Дворовая крестьянка Марья Чернякова однажды прибѣжала во дворъ съ страшнымъ воемъ и плачемъ. На вопросы о причинахъ слѣзъ, она отвѣтила новыми рыданіями, и ничего въ ту минуту отъ нея нельзя было добиться. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время она открыла по секрету, что ей три раза снился сонъ, будто возлѣ городка, у полянки подъ дубомъ зарытъ казанокъ червонцевъ. И вотъ она пошла къ ворожкѣ погадать, на ея ли голову положенъ этотъ кладъ. Распросивъ подъ какимъ дубомъ и гдѣ, ворожея сказала: «положенъ онъ на тебя, только спусти три зари и тогда ступай откапывать». Когда же Марья пошла туда на четвертую зорю, то съ ужасомъ увидала, что дубъ подрѣзанъ, а между корнями осталось круглое углубленіе, какъ бы отъ вынутой посуды. Все это такъ ее потрясло, что она заболѣла черезъ нѣсколько дней, и затѣмъ, призвавъ одну изъ дочерей пана Герасима Матвѣевича Силевича, открыла, что ей опять снился два раза одинъ и тотъ же сонъ, будто бы возлѣ церкви, по правую

руку под березою еще лежит кладъ и что, если ее Богъ подниметь со страдной постели, то эту берёзу она укажетъ господамъ.

Однако ни встать съ постели, ни указать березы ей не пришлось, она вскорѣ умерла.

Что кладъ подъ дубомъ не былъ грёзамъ Марьи Черняковой,—это доказало скороспѣнное превращеніе ворожеи и ея племянника изъ бѣднѣйшихъ людей — въ зажиточныхъ.

Спусти нѣкоторое время слухъ о томъ, что племянникъ ворожеи Логвинъ Кобановъ мѣнялся въ м. Почепѣ старые червонцы, распространился по селу. Кто-то подѣлился этой новостью съ начальствомъ, которое и прїѣзжало и о чемъ то Логвина спрашивало, но получило одинъ отвѣтъ: «знать ничего не знаю и не вѣдаю». Тѣмъ все и кончилось. Вскорѣ ворожею заболѣла: у нея провалился носъ. «Такъ йой и треба, говорили сосѣди, ни пашли у прокъ чужбинка, ня прѣудай вѣкъ праживѣнть, да назадъ ня вернисься».

Однако это не помѣшало ворожеѣ выйти замужъ и жить богато нѣсколько лѣтъ. Передъ смертью же она отдала свои капиталы мужу, а 300 рублей пожертвовала на колоколь въ селѣ Трухановѣ, Стародубскаго Уѣзда.

На полянкѣ, близъ означеннаго дуба, вскорѣ послѣ находки описываемаго клада, однажды пахало десять сохъ. Вдругъ первая лошадь, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, остановилась, но всемогущій кнутъ русскаго человѣка заставилъ ее, напругши всѣ силы, дернуть впередъ, и въ это время раздался глухой подземный звукъ, въ родѣ того, какъ будто лопнула натянутая проволока. Пока приказчикъ добѣжалъ до этого мѣста, чтобы осмотрѣть, чтò случилось, остальные десять сохъ успѣли пройти свои гони и мѣсто, гдѣ слышенъ былъ звукъ, уже трудно было отыскать. Попробовали разрывать, ~~царапая~~ руками, но ничего не нашли, кромѣ какого-то стального обломка.

Эта самая полянка и лѣсъ, гдѣ стоялъ историческій дубъ, еще красуются и теперь; но увы! дубъ—виновникъ драмы между Марьей и ворожеей—больше не существуетъ: лѣтъ десять тому назадъ его разбило громомъ.

Село Росуха известно по летописи съ 1160 года. «Ко Изяславу приидоша половцы мнози и иде съ нимъ къ Воробейнѣ и къ Росухѣ и тутъ повоюють иде къ Вщижу» ¹⁾, слѣдовательно и этотъ клочекъ Руси время отъ времени зашивался человѣческими костями и поливался человѣческой кровью. Вдали отъ большихъ рѣкъ и проѣзжихъ дорогъ, эта сторона была также въ тѣ времена прекраснымъ убожищемъ для безоружнаго: лѣса густы, рвы глубоки, было гдѣ укрыться славянину и отъ Печенѣговъ и отъ обряда крещенія и отъ татарина.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій этими самыми дѣсами и полянами, полымими кровью предковъ, владѣеть уже войсковою обозный Стародубскаго полка (въ 1690 году ²) Прокофій Силенко—Силевичъ, которому универсаломъ 1710 года Гетманъ Скоропадскій позволилъ: «въ росускомъ дѣсѣ на мѣстцу стараніемъ и працею его же расчищенномъ, вѣдле хутора его найдуючомуся, слободку осадити и тамъ же на вершинѣ рѣчки Росухи гребеню уфоновати и млииз на ней построишь».

Народное преданіе о кладѣхъ на «городкѣ» и о томъ, что здѣсь «Шведъ ишшоу» совпадаетъ именно съ военною дѣятельностью Силенки, такъ какъ въ универсалѣ (1709 г.) на пожалованіе ему Скоропадскимъ ^{г. 1709} ази Бѣлаго колодезя, было сказано: «за услуги подъ часъ нашествія непріятели шведа въ Стародубъ».

И действительно Сиденко Сидевич, какъ писалъ его внукъ, въ 1713 году «служилъ черезъ осемдесятъ лѣтъ и больше, и будучи на многихъ службахъ, многократно раненъ, стрѣлянъ, колотъ и порубанъ и при разлитіи крови своей крайне былъ скалеченъ».

Къ прошлому с. Росухи можно еще добавить, что въ 1770-хъ годахъ здѣсь произошла послѣдняя кровопролитная драка и подобно древне-княжескимъ распрямъ за удѣлы, повторились тѣ же семейные раздоры изъ «за грунтовъ» и деревень, добы-

¹⁾ Опис. архієп. Филарета 1873 г. Епарх. извѣстія.

²) Описание Старой Малороссіи А. Л. Лазаревскаго.

тыхъ старымъ Прокофіемъ Силеико Силевичъ «респектомъ колыкинадцатилѣтнихъ нелѣ-
ныхъ войсковыхъ службъ».

По этому поводу сохранился такого рода устный разсказъ.

Пока внукъ Прокофія,—Матвѣй Силевичъ младшій, сынъ Григорія Прокофьевича
былъ несовершеннолѣтній, старшіе братья успѣли промотать всѣ отцовскія деревни ¹⁾,
затѣмъ продали и послѣднюю Росуху нѣкому Журавкѣ. Провѣдавши, что братья рѣ-
шили сдать его въ солдаты и записать въ ревизскую книжку крѣпостныхъ, Матвѣй
Григорьевичъ ушелъ въ село Дахновичи, подъ Стародубъ, къ одному изъ братьевъ
графа П. В. Завадовскаго и просилъ защиты отъ произвола братьевъ. Юноша очевидно
произвелъ впечатлѣніе: Завадовскій тотчасъ послалъ вооруженныхъ людей отвоевывать
Росуху. Между людьми Завадовскаго и Журавки произошла кровопролитная драка, кон-
чившаяся тѣмъ, что посланные Завадовскаго побили Журавкиныхъ людей, а остав-
шихся въ живыхъ повязали, сложили въ сани и выпроводили въ чистое поле.

Вслѣдъ затѣмъ, убѣдившись, что Силевичъ не глупый, дѣльный малый, Завадовскій
отдалъ за него въ супружество свою родственницу Марину Андреевну ~~Мирю~~ и, давъ
ей въ приданое Житію, поселилъ молодую пару въ Росухѣ.

Все это происходило въ царствованіе Екатерины Великой, когда уже существовали
законы объ опека надъ несовершеннолѣтними. Но до матушки царицы было далѣко, а
до Бога высоко, а потому Завадовскій предпочелъ насилие. Насколько въ тѣ времена
было трудно добиваться наслѣдственныхъ правъ путемъ закона, показываетъ слѣдующій
мѣстный разсказъ: въ Новозыбковскомъ уѣздѣ сосѣдъ отнялъ у сосѣда цѣлую деревню.
Обиженный рѣшился отстаивать свою вотчину до послѣднихъ силъ и добрался до
Питера съ челобитной предъ лице самой матушки Царицы. Загорѣлось дѣло. Изъ сто-
лицы были посланы на слѣдствіе чиновники, но пока послѣдніе доѣхали до мѣста
преступленія, спорная деревня исчезла съ лица земли. Облѣчикъ съжегъ ее, мѣсто, гдѣ
была деревня, распахалъ и засѣялъ рожью. Разслѣдованіе конечно было учинено не безъ
лицепріязни, ибо слѣдователи донесли кому о семъ вѣдать подлежатъ, что деревня
вовсе не оказалось въ ватурѣ и что истецъ затѣялъ тяжбу о несуществующемъ имѣніи
по причинѣ своего малоумія. }

Литвины и ихъ одежда.

Всѣ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, именнно: Суражскій, Мглинскій,
Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянскаго, по типу населенія составляютъ
какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи и населены народомъ, который по ха-
рактеру, по наружному виду и одеждѣ отличается какъ отъ Малоросса, такъ и отъ
Великоросса. По нарѣчію же этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть
продолженіе Бѣлороссіи.

Литвинъ, какъ называютъ его сосѣди, съ виду неповоротливъ, движенія его
медлительны, ходитъ «якъ пень тирѣзъ калоду», не предприимчивъ, безпеченъ, но при
нуждѣ трудится много для своего пропитанія. А какъ только мпнуеть крайняя нужда,
всегда предпочтетъ гулять, чѣмъ искать заработка. Заказанныя работы исполнить не-
добросовѣстно, «абы якъ, цяпъ-ляпъ». На поденщинахъ невозможенъ безъ строгаго при-
смotra «рѣбе и паглядае, якъ воля изъ-подъ ярма; цюкне разоу ²⁾ паудзисятка, да
барджей (скорѣй) люльку у зубы».

Вудучи невѣжественъ и не культуренъ, онъ мало уважаетъ чужую собственность
и подчасъ любитъ «падцѣриць (стащить) идзе што плохо ляжиць».

Одежду свою, какъ и всѣ крестьяне, дѣлаютъ изъ овечьей шерсти. Прежде всего,

¹⁾ Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Найтоповичи утверждены за Силеикомъ
Мазепою въ 1696 г., Кривошеи и Пльбовъ въ 1704 г.

²⁾ Разоу, гдѣ встрѣтится съ удареніемъ на *y* признается какъ краткое *а*.

всегда и вездѣ носить онѣ свой излюбленный кожухъ, затѣмъ суконный чекмень (свитка), сшитый свободно не въ талию, на манеръ древняго ферязи и «падпирязуеца» (ополсывается) поисомъ изъ овечьей же шерсти, окрашенной сандаломъ. Болѣе легкій костюмъ шьется изъ того же толстаго сукна, только покороче чекмени, въ талию, съ двумя, тремя фалдами сзади. Эта кофта именуется юбкой.

Сапогъ попадаетъ въ этомъ краю очень рѣдко, его замѣняетъ лапоть. Самодѣльная поярковая шляпа, безъ полей, называется «матерка», а съ полями «бриль» и употребляется во все время года. Женщины носятъ также шубы, непокрытыя материей. Удивительно, что иногда въ жаркій лѣтній день вы можете замѣтить въ церкви нѣкоторыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ свои новыя, какъ свѣтъ, бѣловыдѣланныя овчинки, сшитыя съ перехватомъ въ талию и украшенныя на спинныхъ швахъ у пояса двумя ярко красными шерстяными латками, вершка въ два въ формѣ червонаго туза. Болѣе же пожилыя шьютъ себѣ кожухи не въ талию и съ «ковнерями» (воротникомъ). Паневы, т. е. плахты—но-малорусски почти перестаютъ носить; теперь ихъ только донашиваютъ старухи.

Сверху бѣлой рубахи съ широкими рукавами надѣвается сарафанъ, по мѣстному «саянъ» или «сподница». Шерсть на сайны женщины сами прядутъ, ткнутъ, весной валятъ на валюшнѣ при мельницѣ и затѣмъ отдають ^{се} «милыпну» сврю, который поселяется специально съ этою цѣлю въ одной изъ окружающихъ деревень и за самую скромную цѣну дѣлаетъ сѣрые сайны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничныхъ же нарядовъ юбки окрашиваются иногда въ зеленый цвѣтъ; тогда нашиваются по всей матеріи въ безпорядкѣ клочки красной шерсти, въ вершокъ длины. Это и есть «мушкованая сподница».

Сверху сайна и фартуха все обязательно «подпирязуеца» шерстянымъ поясомъ или, вѣрнѣе, шарфомъ, не взирая ни на какую жару. Кроме того надѣвають еще поверхъ рубахи преимущественно чернаго цвѣта корсетъ или юбку (тотъ же корсетъ, только съ рукавами).

Женщинѣ быть съ непокрытой головой въ присутствіи мужчины, а въ особенности «при кумѣ» крѣпко «соромно» (т. е. очень стыдно¹⁾). А потому голову она тщательно одѣваетъ въ повойникъ или чепчикъ изъ ситцу или шерстяной матеріи и сверху повязываетъ платкомъ на подобіе чалмы. Въ нѣкоторыхъ селахъ полѣсья существуетъ мода повязывать голову «съ хлупомъ», т. е. на затылкѣ оставляется висящимъ уголокъ платка. Болѣе молодыя повязываются «съ рожками, т. е. дѣлають изъ платка на темени узелъ съ стоячими кончиками въ видѣ рожковъ.

Незамужнія женщины хотя и заплетаютъ косу съ лентой на выпускъ, но голову также повязываютъ платкомъ, только безъ повойника, сверху повязки «обинивающа» еще другими небольшими платочками, а въ праздничные дни «затыкають крѣски» (цвѣты) на голову за узелъ платка противъ лба. Шею и грудь украшаютъ краями, бусами.

За послѣднее 10-ти лѣтіе (1890 г.) замѣчается такая перемѣна: лѣтомъ вмѣсто прежнихъ шерстяныхъ тканей деревня занестрѣла всевозможными ситцами, бумазейками, кретонами, хотя фасонъ и покрой сохранились неизмѣнно прежніе. Въ замѣнъ прежнихъ мушкованныхъ сподницъ нерѣдко надѣвають уже сайны изъ кретону «бурдянаго цвѣту» (т. е. цвѣтъ бордо).

Въ мужской одеждѣ, наоборотъ, овечье сукно осталось, какъ и было, но вмѣсто прежней юбки появился настоящаго фасона пиджакъ. Люди пожилые о немъ такого мнѣнія: «прауда пиджакъ аккуратнѣй и меньше сукна идзе на його», но за то «старую юбку якъ даносишь,—на ануци парвешъ, а съ пиджака ануци вузки будуть».

Къ этому можно добавить, что шаповалы (шерстобиты) теперь поневолѣ должны сократить свое производство: прежній «бриль» начинаетъ сторониться, уступая дорогу картузу.

¹⁾ Остатокъ татарщины.

Въ прежніе годы.

Какъ ни бѣденъ въ данное время народъ нашей окраины, но въ прежніе годы ему жилось несравненно хуже въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ теперь.

Подъ словомъ прежніе годы мы подразумѣваемъ начало нынѣшняго и конецъ прошлаго столѣтія, именно: въ 60-хъ годахъ разсказывали старики, которымъ тогда было уже за 80 лѣтъ, что въ ихъ годы народъ «крѣпка галадавау». Доходило до того, что весной люди ѣли липовую мезгу, т. е. сдирали кожу съ молодыхъ отростковъ липъ, скоблили эти отростки ножомъ и въ получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы имѣть возможность скрѣпить и замѣсить тѣсто; изъ этой массы пекли хлѣбъ, ѣли и «зъ гѣладу ни памірали».

Чтобы судить, насколько въ тѣ времена народъ дорожилъ кускомъ хлѣба, перенесемся въ село Росуху, на усадьбу Герасима Матвѣевича Силевича, который ежегодно 8-го мая, на Ивана Богослова, по обѣту, завѣщанному прадедомъ, кормилъ нищихъ и всѣхъ, кто являлся въ этотъ день на незатѣйливый обѣдъ: 8-го мая съ ранняго утра на травѣ большого панскаго двора, на крыльцахъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ,—всюду лежали и сидѣли люди разныхъ половъ и возрастовъ, съ своими ложками за пазухой. Тутъ не одни Росухцы, но и Водвинцы, и Лупечане и Трухановцы и жители прочихъ окрестныхъ деревень,—всѣ собрались пораньше и ждутъ обѣда. Между тѣмъ, «на рѣцѣ Росухи, въ томъ самомъ млину, который гетманъ Скоропадскій позволилъ «збудувати» старому Прокопу Силенко—Силевичу въ настоящее время, варили въ казанѣ, при сукновальнѣ, гречневую жидкую кашу, залавленную въ постный день алеемъ, а въ скоромный—саломъ.

Среди же двора, во всю длину, были разставлены въ нѣсколько рядовъ новыя, чистыя корытца. Въ этомъ и состояла вся сервировка для гостей. Какъ только каша была готова, сами гости, вѣдрами, на боромыслахъ носили ее съ мельницы во дворъ и разливали въ корытца.

Передъ этимъ одна изъ дочерей Силевича лично отправлялась въ амбаръ для раздачи хлѣба, котораго напекали нѣсколько застѣковъ. Вотъ была наглядная картина борьбы за существованіе. Каждый старался протиснуться впередъ, сбивая съ ногъ и топча падающихъ на пути. Надо было видѣть эту толпу съ протянутыми руками за кускомъ черстватаго хлѣба!

Приказчикъ и нѣсколько дворовыхъ крѣпостныхъ исполняли роль полицейскихъ, отстраняя нѣкоторыхъ назадъ и обличая тѣхъ, которые подходили за хлѣбомъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда въ неурожайные годы въ этотъ хлѣбъ подмѣшивали простой гречневой муки, отъ чего онъ выходилъ черныи и жесткій. Жидкая каша имѣла мало вкуса, но гости ничѣмъ не брезгали и черезъ полчаса корытца были пусты. Обѣды эти были какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ происходили весной, въ самую безхлѣбницу. Продолжались они до смерти Герасима Матвѣевича Силевича, т. е. до 1863 года.

Въ тѣ времена чистый хлѣбъ считался роскошью и признакомъ богатства; большинство же подмѣшивало въ хлѣбъ макуху (выжимку изъ конопляныхъ зеренъ) или гречневую муку, которую умѣли такъ готовить, что она годилась лишь на обмѣшну скоту; такъ какъ ее мололи подсушенную въ овнѣ, то оболочка зерна перемалывалась въ порошокъ и дѣлала муку жесткой и черной.

Подобнаго хлѣба очень не жалуютъ, но ѣдятъ въ крайней нуждѣ. На вопросъ, отчего народъ нашей мѣстности не терпитъ въ настоящее время такого голода, какъ въ былые годы, вамъ отвѣтитъ: «зъ тыхъ поръ мы прѣстали галадаць якъ пачѣли болій занимацца сѣубой бульбы ¹⁾, при йой п хлѣба меній сходзы и сытъ чалавѣкъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно принималась у насъ культура! Въ то время, какъ въ Европѣ американскій плодъ былъ давно въ большомъ употребленіи, на Руси даже

¹⁾ Картофель.

въ половинѣ XIX столѣтія существовали глухіе уголки, гдѣ народъ только искоса поглядывалъ на засѣянную сосѣднимъ паномъ полосу картошки. Попробовали: «якава и лна на укусъ; нячаво, йета сграва смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ея у пана мѣшокъ—другой, наконецъ испытывали по трохи и сами сѣяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство.

Только въ концѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые помѣщики начали выписывать разные сорта скороспѣлой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ея посѣвы.

Но, конечно, не одно отсутствіе картофеля было причиной бѣдности, причинъ этихъ не перечесть... Однако и достатокъ хлѣба въ прежніе годы теперь объясняютъ тѣмъ, что помѣщики бывало весь чистый хлѣбъ перегоняли на водку. Оттого въ тѣ времена легче было быть пьяному, чѣмъ сытому. Къ тому же «зарабиць было нѣкалп, у кагò». Да правду сказать и народъ нашъ былъ не «прамышлентъ», лежалъ на боку, голодалъ и все думалъ, что горю пособить ничѣмъ нельзя, вѣрилъ въ то, что какъ было прежде, такъ и всегда будетъ и что на то уже воля Господня.

О томъ, какъ недогадливы были люди въ давнія времена, имѣется такой разсказъ:

Йшоу сабѣ праходжый. Только приходъзе йонъ у сяло и бача, што мужыкъ зъ жонкай усѣ бѣгаюць зъ хаты, да у погребѣ, зъ погреба да у хату.

— Дабрыдзьень вамъ.

— Здаровеньки.

— Богъ у помачъ.

— Спасибо чалавѣча.

— Якая йета у васъ у погребѣ работа, што усѣ туды бѣгапць?

— А йета мы кисель ядзимъ, миласци просимъ у хату.

Сѣу проходжый на лауцы и бача, што кисель стапць на сталѣ, а малако у погребѣ, а яны зачерпаюць киселя, паложуць у ротъ, да самы зъ ложкай и бягуць у погребѣ запиваць кисель малакомъ.

— Слухайць, людзи добрыя, за вашу ласку я ужò пакажу вамъ, якъ людзи кисель зъ малакомъ ядзяць,—кажа проходжый.

А нѣ, мы и сами умѣлмъ кисель їсць, на што насъ вучиць!

Насилу жонка согласилась послушать прохожаго, который наконецъ объяснилъ имъ.

— Вы жъ такъ дѣлайци: принясичье зъ погреба малака у хату, налиця у миску и кислю туды паложцѣ, да такъ и їжця.

Падумали, падумали мужыкъ изъ жонкой, да-й—кажуць:

А ужò жъ и прауда, што такъ луччѣй будзьє.

Тады ужò, якъ паѣли кисель, дыкъ спасибкали, спасибкали проходжаму чалавѣку... и начаваць его пакинули. Во, на другій дзень устау праходжый ранінька, паглядзѣў у вакно, а мужыкъ зъ жонкай зноў штось пачали рабиць ни людное: жонка на дварѣ штаны дзержа, а мужыкъ узлѣз на павѣць, да аттуль и скача у штаны. Ни папау у калоши, да мима, тады изноу узлѣз на крышу,—скакнуу, адна нога папала у калошу, а другая мима калошы пришлась.

— Што-й йета вы рѣбицьє, пытає чужый чалавѣкъ.

— А ци тыжъ ни бачышь, што штаны надѣваемъ.

— Ни такъ жа їнихъ надѣваюць, давайцьє, и вамъ пакажѣ.

— Во-о-о-о! Закрычала жонка, ци мы ужò дуриѣй пона, што и штаноу надѣбъ наумѣемъ. Нехай Богъ крыя, яцє и йетаму дзѣлу треба выучицца.

Разсказъ оканчивается тѣмъ, что проходжій открываєтъ имъ секретъ надѣванья панталонѣ и въ концѣ концовъ получаетъ великое спасибо.

Такъ полѣсцы проживали долгое время въ простотѣ и невѣдѣніи, не трогаясь съ мѣста; ни фабрикъ, ни заводовъ ~~въ оладу~~ не было, а вдаль на заработки не пускались. «Да їймъ и ня чутна былò, идзѣ тамъ у якой старанѣ зарабляюць грòшы». — Кто же могъ имъ объ этомъ разсказать и посовѣтовать?

По глухимъ деревнямъ и лѣснымъ хуторамъ въ родѣ, какъ Лиски, Поддѣновка, Казенка (Мглинскаго уѣзда), тамъ и даже и павоу рѣдка у вѣчы бачили,—только и наѣзжали што валасные за падацямъ, во и усѣ!

Это не то, что теперь: заберутъ молодца въ рекруты; черезъ пять лѣтъ онъ придетъ назадъ и расскажетъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣется. А вѣдь въ прежніе годы, какъ возмуть бывало челоѣка въ солдаты на 25 лѣтъ, такъ по немъ только плачутъ, а рассказовъ отъ него не скоро дождутся.

Рѣже всего въ Полѣсѣ попадались деньги; оборотнаго капитала почти не было, да откуда же его было и взять? На дубахъ онъ не растетъ. Въ городѣ полѣсскіе ѣздятъ рѣдко, потому что изъ хозяйственныхъ продуктовъ ему нечего возить на базаръ: и радъ бы онъ съ осени продать «мѣхъ жита, ци гречки—самому голодъ награзѣ у томъ гаду, а то вислопъ хоць кладѣи зубы на палицу».

Посудивши и порядивши такимъ манеромъ, поневолѣ обходится онъ и безъ городскихъ покупокъ. Одежда съ ногъ до головы вся домашняя: отъ овцы, козконней и льну, спряденныхъ и сотканыхъ бабами, лапотъ свой, лучина для освѣщенія тоже.

Бабы также сидѣли по деревнямъ, даже и на богомолье долгое время не рисковали выходить, пока «ни распыталсь, куды и якъ йета людзи ходзюць». Иная и состарится и вѣкъ свой проживетъ, не вѣди города. Только молодежь не обходилась безъ предметовъ роскоши, ~~но~~ все-таки находила возможнымъ украшать себя, не имѣя никогда гроша въ рукахъ. Для этого по деревнямъ нѣсколько разъ въ годъ ѣздили на лошади «каришаникъ» и кричить:

Дѣвки, бабки, несите тряпки, корявки.

Вотъ и началась мѣновая торговля: ему тащатъ все: и старыя онучи и кости и яйце, щетину, вошину и льняное сѣмь, а взаменъ получаютъ сережки, перстни, коралы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышиванья и т. п.

Кажется всего можно добыть, и все подъ рукою у полѣсца, но пить, его донимаетъ одно горе: кромѣ хлѣба еще крайне нужна и соль, которой безъ денегъ рѣшительно достать негдѣ. А еще къ несчастью въ тѣ времена она была такая дорогая, по рублю пудъ, не то что теперь по 32 коп.

И такъ, значить въ городѣ ѣздили только за солью и за дѣтнемъ, котораго къ стыду своему сами не умѣли приготовить, а для этой цѣли ежегодно являлись въ Полѣсье дегтяры изъ Орловской губерніи гнать деготь изъ древесныхъ корней и березовой коры и продавали его по 50 коп. за пудъ.

Легко сказать—рубль на соль, да гдѣже собственно взять этотъ рубль?

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы полѣсскій народъ имѣлъ страхъ и Бога въ сердцѣ; нерѣдко бывало онъ ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиной, но красть не пойдетъ».

Затѣмъ дальше, да дальше, сталъ призадумываться, откуда достать на соль и на дѣготъ. Глянетъ направо, стоитъ густой строевой лѣсъ пана Силевича, рядомъ идетъ Гудовщина графа Гудовича,—слѣва облегли лѣса Ширая, Долинскаго и т. д.-и т. д.

Лѣсничихъ въ старые годы не было, вотъ и стали мужички промыслять: нарубить возъ дровъ, повезетъ за 35 верстъ въ городъ и есть копѣекъ 15, а то пожалуй и 20 на соль.

Разсмотрѣлся дальше, да дальше и узналъ, что въ городѣ все можно сбыть и началъ мало-по-малу изъ чужихъ лѣсовъ таскать лыки, лозу, берѣсту и прочій сырой матеріалъ. Затѣмъ по глухимъ деревнямъ, какъ въ Водвинкѣ, Коробоничахъ, Яблонкѣ, стали заниматься деревянными издѣліями: почти въ каждомъ дворѣ гнули ободья, дѣлали колеса и возами отправляли на ярмарки въ Стародубъ и Мглинъ.

Но прежде чѣмъ заняться подобной фабрикаціей, надо сначала ночью отправиться въ чужой лѣсъ и, попросту сказать, накрасть лѣснаго матерьяла.

Оттого про полѣсцевъ пошла молва, будто тамъ «злѣдѣй¹⁾ на злѣдзіи сядзиць и злѣдзіемъ паганяя».

Правда, онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія: сравнимъ полѣсца съ его

¹⁾ Воръ.

сосѣдомъ волкомъ,—последній всегда крадь овецъ и будетъ красть; воровство же полѣсца имѣеть свое историческое начало: было время когда «онъ имѣлъ Бога въ сердцѣ и не крадь», а все, что имѣеть начало можетъ имѣть и конецъ ¹⁾.

О нарѣчій и пѣніи.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи слышится въ разговорной рѣчи двойное произношеніе:

1) На границахъ Стародубскаго и Мглинскаго уѣзд. и во всемъ полѣсѣ, тянущемся къ Суражу, говорятъ на бѣлорусскомъ нарѣчій, съ его главными, выдающимися чертами, т. е. съ смѣщеніемъ *д* въ *дз* и *м* въ *ц*. Напр. «хазяинъ кладзѣ пичаць, а злодзій глядзиць, аткуль пачаць».

2) Чѣмъ дальше отъ полѣсы и чѣмъ ближе къ городамъ, а также въ самыхъ городахъ: Стародубъ, Погаръ, Мглинъ, Почепъ и Новозыбковъ, нарѣчье остается тоже самое, только съ тою разницею, что *д* и *м* не смѣщаются. Напр. «хазяинъ кладѣ пичаць, а злодѣй глядитъ, аткуль пачаць». Поэтому и пѣсни записаны и помѣщены здѣсь по двойному говору: полѣскимъ съ смѣщеніемъ *д* и *м* и подгородными безъ смѣщенія *д* и *м*.

Каково бы ни было экономическое положеніе народа и какъ ни трудно достается ему хлѣбъ пасущій, онъ всегда найдетъ время для пѣсень и поетъ, когда ему поется.

У насъ по деревнямъ мужички поютъ только въ юношескомъ возрастѣ, до женитьбы, и во время рекрутскаго набора передъ отбываніемъ воинской повинности. Хоръ мужскихъ голосовъ вы услышите рѣдко, и то лишь въ праздничные дни, позднимъ вечеромъ. На полевыхъ работахъ они никогда не поютъ; пѣсень не раздѣляютъ по временамъ года и затягиваютъ большею частью какую кому и когда «заугодна». Только рекрутскія пѣсни идутъ въ ходъ непременно въ октябрѣ и ноябрѣ во время набора.

Въ среднія лѣта и въ пожиломъ возрастѣ они признаютъ пѣсни лишь при изрядной выпивкѣ. Попросите его спѣть, онъ отвѣтитъ: «ци я пьянъ, што пачнѣ пѣсни пѣць, якъ бы хто паднесъ четвертку, другую, можа бѣ табы и запѣу, да я изъ моладу на йета ня вотъ то ци крахала ворона у гору лятучи, а назадъ ужъ и ни пачынаць. Йета усѣ пущаць, намъ нѣкали ганицца за пѣснямы».

Женщины же поютъ во всѣхъ возрастахъ и относятся къ своей устной поэзіи съ большою симпатіей. «У пѣсняхъ уся прауда», говорятъ онѣ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ пожилыя женщины лѣтъ 40—60, на вопросъ, поютъ ли онѣ когда нибудь, отвѣчали:

Якъ остануся я сама сабѣ у дварѣ, да якъ ушибѣ мнѣ ахота, дыкъ я усн пѣсни паперепѣю, такъ яны адна за другой и лѣзуць у галавѣ, а далі, якъ узойдзе на вумъ уся майя горькая жыстачка, да бездоля, дыкъ я усѣ пню и плаччу..., да ахоты такі наплачуся.

На мои просьбы спѣть хоть одну пѣсню, вызывающую слезы, мнѣ отвѣчали молчаніемъ или говорили:

Цяперъ ни придумаю, усн пѣсни павышли зъ галавы.

Такъ что изъ всего репертуара удалось записать одну только:

Што—й—падъ галмъ зпляненькимъ.

Скажи мнѣ гаёчыкъ,

Брала удоука лень бяленькій

Хто у насъ у сялѣ

Яна брала—выбирала,

Раній уснихъ устае?

У гал пытала:

Пазареншы устае

¹⁾ Можно бы прибавить, что сначала своихъ лѣсовъ у пановъ Силевичей, Гудовичей, Шираевъ и пр. не было да и самихъ ихъ не было, и тогда полѣсцы преспокойно пользовались окружившими ихъ лѣсами и издревле конечно занимались выдѣлкою ободьевъ, саней и пр.

Да горькая удойка,
Ни мужъ лѣе пабуджае,
Ни люта свякруха,

Пабуджаюць удоуку
Дробныя дзѣтки
Да—й жѣ нѣдастатки.

(д. Водвинка, Мглин. Уѣзд. со словъ 65-лѣтн. женщ.)

За дѣвками признается право распѣвать вездѣ и всегда собираться среди села для составленія хоровъ и гулянья. Поэтому она не стѣсняется и если заиѣла, то запѣла громко, во все горло.

У замужнихъ же женщинъ хотя и есть потребность пѣлить горе въ пѣсни, но она чувствуетъ за собою нѣкую нелегальность въ пѣніи, считаетъ это занятіе для себя неопозволительнымъ, боится, что ее осудятъ и скажутъ: «во уздумала баба дзавочный вечаръ, дзѣла ня робя, а пѣсни дзяре».

Оттого она и остерегается пѣть громко, а если и поетъ, то «сама пра сябѣ». При собираніи матеріала, довольно трудно расположить крестьянъ пропѣть или проговорить какую-нибудь пѣсню.

Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ съ такою странною, съ ихъ точки зрѣнія, просьбою, приходилось пускаться въ ходъ нѣкоторые подготовительные разговоры, объяснять каждому причину.

«Нашто вамъ наши пѣсни, панамъ» и т. п. Иная пѣвунья заявляетъ, что она «зная багата пѣснью», но на самомъ дѣлѣ не скажетъ вамъ ни одной строчки, хоть ее пеки. Спой весеннюю. «Цаперъ йныхъ ня няюць». Ну какую хочешь. «Ни придумаю, позабывала, дауно пѣла» и т. п.

Я попробовала пустить въ ходъ вознагражденіе въ видѣ лентъ, крадь, фартуковъ и проч. нарядовъ,—сейчасъ же память прояснялась, языкъ развязывался и начинали диктовать пѣсню за пѣсней. Съ тѣхъ поръ, попадая въ подходящую компанію, я заявляла коротко и ясно: Господа, кто хочетъ заработать за пѣсни? И эта мѣра имѣла всегда большой успѣхъ.

Къ прискорбію, замѣтна большая разница между пѣніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и нынѣшнимъ временемъ, а именно: теперь не поютъ, а кричатъ пѣсни. Какъ въ хорахъ, такъ и въ одиночку каждая сплится орать во всю мочь, отчего искажается даже мотивъ, и выходитъ одно сплошное выкрикиваніе.

С в а т ь б а.

Январь.

Прежде чѣмъ говорить о пѣсняхъ, мы должны поименовать праздники этого мѣсяца въ связи съ существующими обычаями.

7-го января—праздникъ «Ивана христіцеля», 30-го празднуютъ трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Но обычаевъ и обрядовъ въ эти дни никакихъ не имѣется. Мужчины дозволяютъ себѣ кое-что и работать «калѣ дварѣ». Только бабы соблюдаютъ эти праздники строго и съ талмудическою требовательностью утверждаютъ:

— Заўтра нильзя жлукциць, нильзя праць билля (бѣлья) нильзя прясць».

Мы начали не съ 1-го, а съ 7 января потому, что начало новаго года съ крещеніемъ включительно относится къ рождественскимъ праздникамъ, а объ нихъ будемъ говорить позднѣе. Теперь же займемся пѣснями, которыя сопровождаютъ свадебные обряды. Кстати, начиная съ 7-го января церковь разрѣшаетъ вѣнчаніе и съ этого времени до «маслянки» совершается наибольшее число браковъ, чѣмъ въ прочіе мѣсяцы. Въ крестьянскомъ быту трудно встрѣтить стараго холостяка и пожилую незамужнюю женщину, потому что женщина не служитъ обузой мужу, а представляетъ изъ себя рабочую силу. Оттого родители спѣшатъ женить сына и отдалить насколько